Kynegol Duni

20-11.03

Новая газета № 87 (920) — 2003, — —20 ноябл-20

ПАМЯТЬ

УШЕЛ ПОЭТ ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

К нему относились поразному. Апологеты чуть ли не обожествляли (так и самим, глядишь, можно пристроиться в апостолы), противники доходили до того, что называли вурдалаком. В 80-е годы в «Литгазете» шла многомесячная дискуссия, по суги дела, вокруг одной его строчки: «Я пил из черепа отца...». Кто-то понимал ее буквально, кто-то — символически.

Но бесспорно: Юрий Кузнецов стал одним из самых ярких явлений в поэзии эпохи застоя. Выход каждой его новой книги — «Во мне и рядом — даль», «Край света — за первым углом» — становился поэтическим событием.

Впервые он поразил читателей еще в 1968 году своей «Атомной сказкой»: Эту сказку счастливую слышал.

Я уже на теперешний лад, Как Иванушка во поле вышел

И стрелу запустил наугад. Он пошел

в направленьи полета По сребристому следу

судьбы. И попал он к лягушке

в болото, За три моря от отчей

избы. — Пригодится

на правое дело! — Положил он лягушку

в платок. Вскрыл ей белое

царское тело

И пустил электрический ток.

В долгих муках

она умирала, В каждой жилке

Стучали века.

И улыбка познанья играла

На счастливом лице

дурака. Многие тогда восприняли эти стихи как научно-техническую контрреволюцию. На самом деле вопрос-то в

них ставился куда глубже... Когда после августа 1991го писатели категорично поделились на «демократов» и «патриотов», Юрий Кузнецов оказался во втором лагере да не просто так, а в качестве одного из немногих знамен (наряду с Распутиным и Беловым). Эти идеализация и идеологизация явно вредили поэту. А писательский раскол привел к тому, что «демократы» практически перестали читать «патриотов». Так что фигура Юрия Кузнецова для большинства читателей ушла в тень...

Но никуда не делись его лучшие стихи — такие, например, как «Отец космонавта», — и весь сюрреалистически-трагический мир его книг.

А рифмованную идеологию мы и у Тюгчева-то не перечитываем.

Ушел поэт. Остается все лучшее, что он написал.

Олег ХЛЕБНИКОВ